

УДК 332.14

О. В. Асканова

Рубцовский индустриальный институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова», Рубцовск, e-mail: askanova@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: региональная политика, межрегиональные неравенства, территориальная асимметрия, социально-экономическое развитие, неблагоприятные регионы, уровень занятости, дифференциация доходов, нивелирование неравенств.

Выражая беспокойство в отношении высокого уровня разрывов в социально-экономическом положении регионов России, основное внимание в работе автор уделяет исследованию Стратегии пространственного развития РФ как важнейшему документу, отражающему стратегические намерения государства в отношении развития территорий страны. Для оценки соответствия зафиксированных в Стратегии положений реальным социально-экономическим процессам регионального развития в работе на примере регионов Сибирского федерального округа анализируются динамика межрегиональных различий и основных социально-экономических параметров, определяющих место исследуемых регионов на общероссийском фоне. Результаты статистического анализа и графической интерпретации информации позволили автору опровергнуть заложенный в Стратегию пространственного развития РФ тезис о стабилизации численности населения регионов России, а также выразить скепсис в отношении снижения межрегиональной дифференциации в виду выявленного усиления асимметрии в распределении средней заработной платы по регионам РФ. Сложившийся уровень территориальных разрывов формирует диспаритет возможностей для реализации социальных прав граждан России, поэтому смещение внимания государственной власти от простой риторики о необходимости нивелирования межрегиональных неравенств к фиксации системы смыслообразующих намерений государства в виде соответствующих стратегических и программных документов нельзя не рассматривать как определённый трансформационный сдвиг. Поэтому признавая в качестве позитивного факта принятия на государственном уровне Стратегии пространственного развития РФ, автор указывает на её недостатки, обращая внимание на допущение Стратегией невыполнения запланированных мер, что обесценивает содержание всего этого документа. Основным выводом исследования стала констатация невозможности решения проблемы устранения накопленных межрегиональных диспропорций без кардинальной трансформации сырьевой модели экономического развития России.

О. V. Askanova

Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk,
e-mail: askanova@yandex.ru

REGIONAL DIFFERENTIATION AND STRATEGY OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Keywords: regional policy, interregional inequalities, territorial differences, socio-economic development, disadvantaged regions, employment rate, income differentiation, inequalities leveling.

Expressing concern about the high level differences in the socio-economic situation in Russian regions, the author focuses on study of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation as the most important document reflecting the strategic intentions of the state in relation to the development of the country's territories. To assess the conformity of the provisions fixed in the Strategy to the real socio-economic processes of regional development, the work on the example of the Siberian Federal District regions analyzes the dynamics of interregional differences and the main socio-economic parameters that determine the place of the studied regions against the all-Russian background. The results of the statistical analysis and graphic interpretation of the information allowed the author to refute the thesis of the stabilization about the population of the Russian regions, laid down in the Spatial Development Strategy of the Russian Federation, and also to express skepticism regarding the decrease in interregional differentiation in view of the revealed increase in the asymmetry in the distribution of average wages in the regions of the Russian Federation. The current level of territorial gaps creates a disparity regarding the possibilities for the realization of social rights of Russian citizens, therefore, the shift in the attention of the state authorities from simple rhetoric about the need to level interregional inequalities to fixing the system of meaning-making intentions of the state in the form of appropriate strategic and program documents should be considered as a certain transformational

shift. Therefore, recognizing as a positive the fact of the adoption the Spatial Development Strategy of the Russian Federation at the state level, the author points out its disadvantages, paying attention to the assumption by the Strategy of non-fulfillment of the planned measures, which devalues the content of this entire document. The main conclusion of the study was the statement that it is impossible to solve the problem of eliminating the accumulated interregional imbalances without a radical transformation of the raw material model of Russia's economic development.

Введение

Складывающиеся последние десятилетия тенденции в динамике социально-экономических показателей России характеризуются серьёзными диспропорциями в развитии отдельных территорий страны, результатом чего становится наличие территорий с нарастающим отставанием от регионов – экономических лидеров, закрепляющим их бесперспективность и ведущим к обезлюживанию этих территорий. Острота отмеченных проблем не может не волновать как научное сообщество, региональные и федеральные власти, так и непосредственно жителей неблагоприятных регионов.

Озабоченность межрегиональной асимметрией проявляется и на самых высших уровнях государственной власти страны. Так, ещё в 2016 году Президент РФ, указывая на диспропорции в бюджетной обеспеченности субъектов РФ, следствием чего является существенный разрыв уровня жизни людей, отметил, что «общие доходы пяти самых богатых и самых бедных регионов различаются в 43 раза» [1]. Углубление проблем территориальной поляризации и очевидность бесперспективности попыток их решения только усилиями региональных властей побудила Президента РФ утвердить в январе 2017 года «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [2] (Указ от 16.01.2017 г. №13). В качестве цели государственной политики регионального развития данным документом провозглашено «обеспечение равных возможностей для реализации ... экономических ... и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны ...». Результаты же реализации государственной политики регионального развития ожидаются к 2025 году в виде сокращения различий:

а) в уровне и качестве жизни граждан РФ, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности;

б) в уровне социально-экономического развития регионов.

На подготовку и утверждение плана [3] реализации изложенных в Указе Президента положений у Правительства РФ ушло почти пять месяцев. Первым пунктом плана предусматривалось к марту 2018 года разработать проект Стратегии пространственного развития РФ. Сделать заключение о соблюдении сроков подготовки проекта Стратегии не представляется возможным, однако факт её утверждения только в феврале 2019 года свидетельствует о неторопливости Правительства Российской Федерации при выполнении мероприятий плана и/или не особой актуальности для него обозначенных в «Основах государственной политики регионального развития РФ» положений.

Вместе с тем, сдвиг срока принятия «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [4] (далее – Стратегия) обусловил необходимость учёта в ней положений не только Указа Президента РФ от 16.01.2017 г. №13 [2], но и майского Указа 2018 года [5]. В этой связи представляется интересным исследовать стратегические намерения государства в отношении территориального развития и соответствие зафиксированных в Стратегии положений реальным процессам.

Характеризуя проблемы пространственного развития России, разработчики Стратегии отмечают стабилизацию численности населения в большинстве субъектов РФ и сокращение в течение последних 10 лет в результате проводимой государственной политики регионального развития межрегиональных социально-экономических диспропорций [4]. Для подтверждения либо опровержения отмеченных выводов представляется интересным рассмотреть основные социально-экономические характеристики отдельных субъектов Федерации в динамике.

Материал и методы исследования

В последнее время нарастает градус дискуссии по проблеме обезлюживания многих

районов Сибири, в том числе приграничных, грозящей целостности государства и его геополитической стабильности, поэтому для анализа в рамках данной работы взяты пять регионов РФ, входящих в Сибирский федеральный округ (СФО): Алтайский, Красноярский края, Иркутская, Кемеровская и Новосибирская области. Данные субъекты Федерации объединяет то, что из десяти регионов СФО на начало 2008 года они имели численность населения, превышающую 2,5 млн человек. Решение поставленных в работе задач осуществлялось на основе применения общенаучных методов исследования в рамках логического, сравнительного и статистического анализа, а также графической интерпретации информации об изучаемом явлении, позволяющей представить структуру рассматриваемой проблемы целиком. В качестве отправной точки анализа выбран 2007 год. Это обусловлено тем, что, во-первых, этот год характеризовался непревзойденными с 2000 г. темпами роста ВВП, а, во-вторых, именно в этом году на встрече с российской бизнес-элитой Президентом РФ продекларирована необходимость качественного шага по избавлению страны от сырьевой зависимости [7].

Результаты исследования и их обсуждение

Позиции исследуемых регионов, достигнутые к 2007 году, отражены в таблице 1.

Рассматриваемые регионы в прошлом десятилетии по численности населения составляли около 70% от общего числа проживающих в СФО. Как видно из представленных в таблице данных, положение регионов по основным показателям характеризовалось наличием серьезных диспропорций. Наиболее высокое место в рейтинге регионов занимал Красноярский край. Наиболее проблемным регионом в 2007 году как среди рассматриваемых субъектов СФО, так и других территорий России, можно считать Алтайский край, являющийся аутсайдером по всем показателям.

Для характеристики региональных различий в уровне основных показателей – среднедушевых доходов и среднемесячной номинальной заработной плате – в таблице 2 представлены соотношения этих показателей со средними и минимальными значениями по России.

Обращает на себя внимание тот факт, что и средний уровень доходов и средний уровень заработной платы в целом по СФО в 2007 году был ниже среднероссийских показателей (на 18% и 9% соответственно).

Таблица 1

Основные характеристики субъектов РФ в 2007 году [8]

Регион	Численность населения на 1 января 2008 г., тыс. человек	Место региона среди всех субъектов РФ						
		Уровень занятости	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения	Ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	Инвестиции в основной капитал на душу населения
СФО	19553,5	6	5	5		6	6	6
Алтайский край	2508,5	54	68	79	63	59	77	78
Красноярский край	2890,4	48	19	16	6	27	10	29
Иркутская область	2507,7	40	34	20	25	60	35	19
Кемеровская область	2823,5	50	21	27	27	35	31	32
Новосибирская область	2635,6	56	31	29	32	16	30	40

Уровень дифференциации в доходах регионов РФ в 2007 году

Регион	Отношение среднедушевых денежных доходов, %		Отношение среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций, %	
	к средним по РФ	к min	к средней по РФ	к min
РФ	100	314,6	100	238,6
СФО	81,6	256,8	90,8	216,7
Алтайский край	59,0	185,7	57,4	137,0
Красноярский край	100,4	315,9	114,1	272,3
Иркутская область	80,0	251,6	101,3	241,7
Кемеровская область	92,9	292,1	92,4	220,4
Новосибирская область	81,9	257,5	88,4	211,0
Регион с <i>max</i> денежными доходами / среднемесячной заработной платой (Ненецкий автономный округ / Ямало-Ненецкий автономный округ)	301,0	946,8	274,9	655,9
Регион с <i>min</i> денежными доходами / среднемесячной заработной платой (Республика Ингушетия / Республика Дагестан)	31,8	100	41,9	100

Примечание: рассчитано по [8].

Судить об уровне региональной дифференциации можно сопоставляя достигнутое место региона по показателям дохода и заработной платы с величиной этих показателей относительно среднероссийского уровня. Так, по представленным данным видно, что по среднедушевым денежным доходам только Красноярский край опережал в 2007 году среднее значение по России, занимая при этом 19 место среди субъектов Федерации. А уже в Кемеровской области, находящейся на 21 позиции по среднедушевым доходам, они почти на 7% отставали от среднероссийских. Из этого следует, что более чем в 75% субъектов РФ в 2007 среднедушевые доходы не дотягивали по среднего уровня по России. Если говорить об общем относительном разрыве в уровне рассматриваемых показателей, то можно отметить, что Ненецкий автономный округ, отличившийся в 2007 году самыми высокими среднедушевыми денежными доходами, в 9,5 раза превышал по этому показателю Республику Ингушетию, доходы которой были самыми низкими в России. Расхождение в среднемесячной заработной плате между регионом с её наибольшей и наименьшей величиной составило 6,6 раза.

Для характеристики изменений социально-экономического положения рассматриваемых субъектов СФО следует вос-

пользоваться представленной в таблице 3 информацией за 2018 год.

Как видно из таблицы, по всем исследуемым регионам, кроме Новосибирской области, за период с 2007 по 2018 год произошло сокращение численности населения. При этом наибольшее снижение имело место в Алтайском крае. В результате указанных процессов Алтайский край, а также Иркутская область выпали из числа регионов СФО с численностью, превышающей 2,5 млн человек.

Не может не вызывать беспокойства тот факт, что в целом по СФО сокращение численности населения с 2007 года составило 12,2% или 2380,2 тыс. человек, что сопоставимо с целым субъектом Федерации. Представленная информация опровергает тезис авторов Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года [4] о стабилизации численности населения в большинстве субъектов РФ, вызывая вопросы к адекватности оценки реальных процессов.

Тревожным является и факт ухудшения позиций исследуемых субъектов СФО на общероссийском фоне по многим важнейшим социально-экономическим параметрам. Так, существенное ухудшение позиций наблюдается по Алтайскому краю и Кемеровской области. При этом, если Алтайский край и в 2007 году по многим показателям был в аутсайдерах, а в 2018 году опустился ещё

ниже в рейтинге, то по Кемеровской области ситуация крайне противоречивая. Упустив позиции по всем показателям, Кемеровская область по-прежнему имеет несопоставимо высокие их уровню места по валовому ре-

гиональному продукту на душу населения и среднемесячной заработной плате.

Уровень региональной дифференциации в доходах и заработной плате, достигнутый в 2018 году, можно наблюдать в таблице 4.

Таблица 3

Основные характеристики субъектов РФ в 2018 году [9]

Регион	Численность населения на 1 января 2019 г.		Место региона среди всех субъектов РФ						
	тыс. чел.	в % к 01.01.2008 г.	Уровень занятости	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	Валовой региональный продукт на душу населения в 2017 году	Ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения	Инвестиции в основной капитал на душу населения
СФО	17173,3	87,8	6	7	5		6	5	5
Алтайский край	2332,8	93,0	70	68	82	73	60	68	75
Красноярский край	2874,0	99,4	21	25	15	12	50	11	16
Иркутская область	2397,7	95,6	53	54	19	20	47	15	18
Кемеровская область	2674,3	94,7	67	67	28	38	77	41	32
Новосибирская область	2793,4	106,0	41	32	33	33	15	38	50

Таблица 4

Уровень дифференциации в доходах регионов РФ в 2018 году

Регион	Отношение среднедушевых денежных доходов, %		Отношение среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций, %	
	к средним по РФ	к min	к средней по РФ	к min
РФ	100	212,6	100	173,8
СФО	77,3	164,3	86,5	150,3
Алтайский край	68,8	146,3	58,4	101,4
Красноярский край	90,5	192,4	104,4	181,4
Иркутская область	73,6	156,6	97,5	169,5
Кемеровская область	69,8	148,5	87,0	151,1
Новосибирская область	87,0	184,9	81,6	141,9
Регион с max денежными доходами / среднемесячной заработной платой (Ямало-Ненецкий автономный округ / Чукотский автономный округ)	239,3	508,9	226,1	393,0
Регион с min денежными доходами / среднемесячной заработной платой (Республика Тыва / Республика Дагестан)	47,0	100	57,5	100

Примечание: рассчитано по [9].

Положенные в основу расчёта показатель таблицы 4 официальные статистические данные на первый взгляд действительно подтверждают тезис о снижении в течение последнего десятилетия межрегиональной дифференциации в уровне доходов и заработной платы. Так, разрыв в среднедушевых доходах между регионом с их наибольшей и наименьшей величиной составил 5 раз (против 9,5 – в 2007 году). Отклонение в среднемесячной номинальной начисленной заработной плате снизилось до 3,9 раза (против 6,6 – в 2007 году).

На фоне видимого сокращения отклонений в доходах и заработной плате регионов с наибольшим и наименьшим их уровнем от среднероссийских значений, в отношении же рассматриваемых субъектов СФО можно диагностировать нарастание отрицательного разрыва этих показателей со средними данными по России. Ни в одном из анализируемых сибирских регионов среднедушевые доходы в 2018 году не достигли среднероссийского уровня. Что же касается среднемесячной заработной платы, то лишь в Красноярском крае её уровень чуть превысил значение аналогичного показателя, рассчитанного для РФ в целом. Однако, что примечательно, средняя заработная плата в Иркутской области в 2018 году уже не достигала до среднего уровня по России, хотя этот регион находился на 19 позиции в рейтинге, что выше 2007 года, когда область имела хоть и незначительное, но превышение по этому показателю среднероссийского значения.

Интерпретируя отмеченное выше с опорой на законы математической статистики можно констатировать, что в 2018 году

асимметрия в распределении доходов и заработной платы между регионами России относительно средней арифметической величины ещё более усилилась в сравнении с 2007 годом. Иначе говоря, количество субъектов РФ с доходами и заработной платой менее среднероссийского уровня в сравнении с 2007 годом возросло (таблица 5).

Таким образом, если не игнорировать отмеченные выше факты, то однозначно диагностировать снижение межрегиональной дифференциации, как это сделали разработчики Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года, по меньшей мере, преждевременно.

Отставание в уровне доходов населения от среднероссийского уровня практически во всех рассматриваемых субъектах СФО обуславливает более высокую долю населения, проживающего за чертой бедности, и большую роль социальных выплат в их доходах. Именно низкие доходы и уровень жизни, отсутствие рабочих мест и другие социально-экономические проблемы вынуждают людей практически всех территорий Сибири (за исключением Новосибирской области) покидать пределы своих регионов, перебираясь в районы с более высокими социально-экономическими характеристиками. В результате проблема естественной убыли, характерная для России в целом, усугубляется некомпенсируемым миграционным оттоком. Всё это способствует сокращению численности трудоспособного населения сибирских территорий и росту демографической нагрузки, образуя порочный круг нарастания социально-экономических разрывов.

Таблица 5

Изменение в распределении доходов и заработной платы между регионами России

Показатель	Денежные доходы на душу населения		Номинальная начисленная заработная плата	
	2007	2018	2007	2018
Среднемесячное значение показателя по России, руб.	12601	33178	13593,4	43724
Уровень доходов в регионе, делящем ранжированные данные на две равные части (медианный показатель), руб.	8891,5	26828	10701,6	33385
Превышение среднего значения медианы, %	+41,7	+23,7	+27,0	+31,0
Количество регионов с доходами, превышающими средний уровень	19	18	21	17
Количество регионов с доходами менее среднего уровня	66	67	64	68

Примечание: составлено по [8; 9].

Проблема низких доходов населения многих регионов осложняется и хроническим недофинансированием социальной сферы: образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, что снижает доступ населения к качественным социальным благам, в немалой степени определяя привлекательность того или иного региона для жизни. Если сравнивать расходы региональных бюджетов на душу населения (рисунок), то расхождение в их уровне достигает настолько колоссальных размеров, что объяснить это повышенной затратностью из-за высокой стоимости жизнеобеспечения, сложных природно-климатических условий, низкой плотности населения отдельных территорий, неразвитостью их инфраструктуры становится довольно сложно.

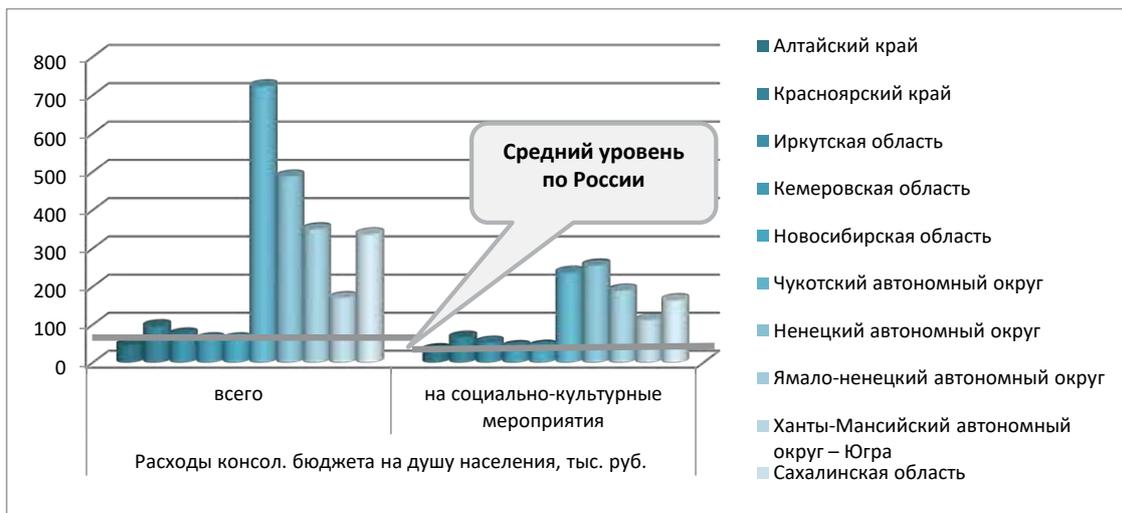
Учитывая имеющиеся место внутри каждого региона диспропорции, разрыв в уровне бюджетных расходов между отдельными территориями России может быть оценен как ещё более колоссальный, чем обозначенный Президентом РФ (в 43 раза [1]).

Ни о каких равных возможностях для реализации социальных прав граждан России при сложившемся положении вещей не может идти и речи, поэтому принятие документа стратегического планирования, отражающего государственное целеполагание по территориальному принципу [4], являлось мерой крайне необходимой. Отметим, что рассматриваемые нами сибирские регионы отнесены Стратегией пространственного развития РФ к перспек-

тивным центрам экономического роста с признанием за Алтайским краем и Новосибирской областью геостратегического значения в силу их приграничного положения (таблица 6).

Рассматривая заложенные Стратегией меры по сокращению уровня межрегиональной дифференциации и внутрирегиональных различий, следует отметить не содержащий какой-либо конкретики их довольно размытый обширный перечень. В частности, немало внимания уделяется заявлениям о необходимости повышения качества и комфортности городской среды; развития транспорта и повышения транспортной доступности территорий; улучшения состояния окружающей среды и условий жизни жителей сельских населенных пунктов; содействия развитию малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов; сохранения природного и культурного наследия; обеспечения оптимальной доступности для населения услуг отраслей социальной сферы и т.д. Всё это в большей степени напоминает не правовой, рассчитанный на реализацию программный документ, призванный превратиться в реальный инструмент государственного управления, а красивую «декларацию о намерениях».

В этой связи показательно, что только два из предусмотренных Стратегией пяти целевых индикаторов имеют непосредственное отношение к измерению уровня межрегиональной дифференциации.

Расходы консолидированных бюджетов отдельных регионов в расчёте на душу населения в 2018 году

Таблица 6

Группировка регионов СФО в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 года [4]

Показатель	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Кемеровская область	Новосибирская область
Перспективные крупные центры экономического роста (города, образующие крупные городские агломерации и крупнейшие городские агломерации, которые обеспечат вклад в экономический рост РФ более 1% ежегодно)		X	X		X
Перспективные центры экономического роста, которые обеспечат вклад в экономический рост РФ от 0,2% до 1% ежегодно (города и прилегающие к ним муниципальные образования с общей численностью населения более 500 тыс. человек, образующие крупные городские агломерации)	X			X	
Перспективные центры экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня		X			X
Приграничные геостратегические территории	X				X

1. Отношение среднедушевого валового регионального продукта субъектов РФ, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям (кроме Арктической зоны), к среднероссийскому значению.

2. Межрегиональная дифференциация индекса человеческого развития по отношению к уровню 2017 года.

При этом первый из представленных целевых показателей охватывает субъекты РФ, характеризующиеся эксклавым положением, а также субъекты, расположенные на Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Таким образом, фактически Стратегией задаётся лишь один индикатор для оценки степени достижения поставленной цели по сокращению межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения России. Целевой показатель для оценки степени снижения внутрирегиональных социально-экономических различий Стратегией и вовсе не предусмотрен.

Беспокойство вызывает то обстоятельство, что наряду с приоритетным (целевым) сценарием пространственного развития РФ, Стратегией закладывается и инерционный сценарий, исходящий из сохранения «текущих тенденций развития системы расселения и экономики» [4]. На наш взгляд, сам факт допущения Стратегией «невыполнения запланированных мер и отказа от реализации механизмов устойчивого и сбалансированного пространственного развития» обезценивает содержание всего этого документа.

Поскольку времени с момента принятия Стратегии прошло ещё совсем немного, говорить о каких-либо кардинальных сдвигах в государственной политике пространственного развития РФ пока преждевременно. Вместе с тем, сокращение межрегиональных диспропорций к 2025 году требует незамедлительного ускорения темпов развития неблагоприятных регионов, учитывая их низкие стартовые позиции. Именно условие опережающего развития территорий с низким социально-экономическим уровнем нашло отражение в Стратегии в качестве одного из приоритетов.

Заключение

Подводя итог изложенному выше, можно отметить, что смещение внимания государственной власти от простой риторики о необходимости нивелирования межрегиональных неравенств к фиксации системы смыслообразующих намерений государства в виде соответствующих стратегических документов нельзя не рассматривать как определённый трансформационный сдвиг. Вместе с тем пока приходится констатировать непродуктивность положений стратегических государственных документов в качестве инструментов действенного управления в силу как низкого качества их проработки и отражения реальных социально-экономических процессов, так и отсутствия эффективного механизма контроля и оценки хода их реализации.

Библиографический список

1. Путин: пришло время менять региональную политику в России // Общественно-политическая газета «Президент» [Электронный ресурс]. URL: <http://prezidentpress.ru/news/4214-putin-prishlo-vremya-menyat-regionalnuyu-politiku-v-rossii.htm> (дата обращения: 12.01.2021).
2. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/71587690/> (дата обращения: 09.04.2021).
3. Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. №1166-р «Об утверждении плана реализации Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г.» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71591470/#1000> (дата обращения: 09.04.2021).
4. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития российской федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 10.04.2021).
6. Асканова О.В. Стратегические намерения государства в развитии сельхозмашиностроения // ЭКО. 2019. №2(536). С. 123-134.
7. Путин объявил индустриализацию // Газета.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/2007/02/06/oa_230786.shtml (дата обращения: 14.01.2021).
8. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis-2020.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 11.01.2021).